

УДК 81'37: 81'367:[811.111 + 811.161.1

ПОНЯТИЯ «ПРОСТРАНСТВО» И «ВРЕМЯ» КАК КЛАССИФИКАТОРЫ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Наталья Ивановна Билан

Билан Наталія Іванівна Поняття «простір» та «час» як класифікатори мовних одиниць

Розглядається тенденція вивчення семантики мовних одиниць, що потрапляють під категорію «конкретність – неконкретність», на основі належності їх до сфери понять простір і час. Пропонується розглядати непередметні об'єкти – абстрактні іменники й номіналізовані речення як об'єкти інтенціонального, ментального світу – світу епістемології, якому поняття простір і час властиві такою ж мірою, якою вони характеризують і реальний світ предметних об'єктів – світ онтології.

Билан Наталья Ивановна Понятия «пространство» и «время» как классификаторы языковых единиц

Рассматривается тенденция изучения семантики языковых единиц, которые попадают под категорию «конкретность – неконкретность», на основании принадлежности их к сфере понятий пространство и время. Предлагается рассматривать непередметные объекты – абстрактные существительные и номинализованные предложения как объекты интенционального, ментального мира – мира эпистемологии, которому понятия пространство и время присущи в той же степени, что и реальному миру предметных объектов – миру онтологии.

Bilan Natalya Ivanovna The Notions of "Space" and "Time" as Language Units Classifiers

This article deals with the current linguistic trend of subcategorizing concrete and abstract language units on the grounds of their belonging to the notional spheres of space and time. The topicality of the given study is predetermined by the need to reveal the explanatory potential of the notions of space and time for investigating the semantics and functions of language units that correspond to concrete and abstract propositional notions. Yu. S. Stepanov and N. D. Aroutyunova consider that concrete notions correlate with the spatial relations, while abstract propositional notions are organized on the basis of logical temporal relations. In accordance with the above mentioned way of classifying language units depending on their corresponding to concrete or abstract propositional notions Yu. S. Stepanov, N. D. Aroutyunova, T. V. Boulygina, S. A. Krylov state that the subject of the sentence realizes its denotative meaning while the predicate expresses the only component of its meaning which is the significative one.

The author posits that the entirely significative nature of the meaning of the predicate does not prove the entirely denotative meaning structure of the language units functioning as the subject of the sentence. Proceeding from L. Wittgenstein's definition of the meaning of the word as its use in the language, the author has substantiated that the noun realizes its identifying function by means of its complete meaning structure formed by both the denotative constituent and the significative one with the latter comprising all possible predications. The author suggests considering abstract notions that are represented by abstract nouns and nominalized sentences as objects of the intentional world in which the notions of space and time are inherent.

Ключові слова: предметні об'єкти, непередметні об'єкти, простір, час, онтологія, епістемологія.

Ключевые слова: предметные объекты, непередметные объекты, пространство, время, эпистемология, онтология.

Key words: concrete objects, abstract objects, space, time, epistemology, ontology.

В современной лингвистике большое внимание уделяется анализу средств выражения в языке понятийных и грамматических категорий. Ю. С. Степанов и Н. Д. Арутюнова в своих трудах используют фундаментальные категории «пространство» и «время» в качестве своеобразных классификаторов единиц языка, считая, что предметные понятия соотносятся с отношениями пространственного характера, а непредметные пропозитивные понятия организованы на основе логико-темпоральных отношений. Ю. С. Степанов, Н. Д. Арутюнова, Булыгина Т. В., Крылов С. А. разводят денотатный и сигнификатный компоненты значения лексем в предложении, утверждая, что субъект реализует свое денотатное значение, а предикат – свое сигнификатное содержание [1; 2; 3; 10; 11].

Данная статья посвящена изучению возможности исследования семантики и особенностей функционирования языковых единиц, которые попадают под категорию «конкретность – неконкретность» на основе принадлежности их к сферам понятий «пространство» и «время». Актуальность данного исследования заключается в необходимости рассмотрения объяснительного потенциала понятий пространство и время при анализе семантики и функций языковых единиц, соответствующих предметным и непредметным пропозитивным понятиям.

Изучая описание семантикой как разделом языкознания семантических отношений групп слов в парадигматике, Ю. С. Степанов говорит о том, что при таком подходе слова группируются лингвистами в поля, которые бывают двух видов:

- 1) объединения слов, относящихся к одной предметной области, – предметные, или денотатные, поля;
- 1) объединения слов, относящихся к одной сфере представлений или понятий – понятийные, или сигнификатные, поля, например, обозначения состояний духа, процессов мышления, восприятия, возможности, необходимости.

При этом в предметных полях, по мнению Ю. С. Степанова, слова организованы преимущественно по принципу «пространство» и по принципу соотношения вещей: часть и целое, функция (назначение) и ее аргументы (производитель, агенс, инструмент, результат); в понятийных же полях – преимущественно по принципу «время» и по принципам соотношения понятий (подчинение, гипонимия, антонимия и др.) [11, с.438 – 439].

Н. Д. Арутюнова противопоставляет предметные понятия пропозитивным на основании их соотносительности с пространством или временем. Н. Д. Арутюнова считает, что предметные понятия должны быть соотносены с отношениями пространственного характера, в то время как пропозитивные понятия соотносятся с логико-темпоральными отношениями. Предметные понятия связаны с физическими действиями, а пропозитивные – с названиями психических актов.

Таким образом, синтаксическая функция слова определяется соответствием значения слова пространственным или временным измерениям, а семантическая функция слова основывается на различии материального и идеального, физического и духовного [1, с. 147].

Однако вряд ли могут предметы существовать вне времени, как и события (с сосуществующими тем или иным образом в нем субстанциями) иметь место вне пространства.

И различие предикатов первого и второго порядков (физические действия и психические акты) Н. Д. Арутюнова видит не только в том, что субъектами первых являются предметные понятия, а субъектами вторых – пропозитивные. Н. Д. Арутюнова схематизирует это противопоставление предметных и пропозитивных понятий следующим образом: ряд понятий «предмет – пространственная ориентация – физическое действие – физические свойства предмета» противостоит ряду «событие – время – психический акт – свойство события и суждение о событии» [там же].

Такое утверждение, на наш взгляд, может быть обусловлено только традицией изучения главным образом аспектуально-темпоральных параметров предикатов и вербоцентрическим подходом к изучению синтаксиса предложения, которое рассматривается в качестве одной из основных ячеек языковой семантики на современном этапе развития синтактико-семантических исследований [14; 8]. Наше понимание характера функционирования имен существительных полностью согласуется с концепцией Л. П. Столяровой, в которой утверждается решающее значение имени существительного и образуемых на его основе субстантивных конструкций в процессе коммуникации [13].

Трудно безоговорочно согласиться и с тем, что предметные понятия соотносятся только с физическими действиями, а пропозитивные – с названиями психических актов. Ведь в этой же работе Н. Д. Арутюнова справедливо утверждает, что и у имен собственных (топонимов, а не имен лиц), и нарицательных есть коннотативный (событийный) аспект значения. При непредметном функционировании имена собственные подразумевают единичное событие (имя какого-либо места может ассоциироваться со связанным с ним событием), а некоторые имена нарицательные имеют стабильные событийные коннотации и употребляются в функции событийных имен. Например, в

предложении 1. *Он не пришел из-за мозолей / грязи / снега* слова *мозоли, грязь, снег* представляют собой редукцию пропозиции к конкретному имени существительному [1, с. 143 – 145].

Безусловно, эта редукция имела место, как и в предложениях с категорией предметов, предназначенных для определенной цели и имплицитных «свой» предикат, как, например, слова *водка* и *питье* в предложении 2. *Водка / питье водки его погубит* [1, с. 146]. Но эти пропозитивные (событийные) имена *водка* и *питье* не находятся в жесткой связи только с названиями психических актов. Это наше суждение о событии, помимо этого в семантической структуре предложения есть и значение причинно-следственного отношения, но здесь идет речь и о реальном физическом разрушении жизни конкретного человека.

Н. Д. Арутюнова пишет, что различие данных понятийных рядов не всегда является четким, есть область, в которой в одних и тех же синтаксических позициях конкретные и пропозитивные номинации регулярно чередуются. Глаголы логического (межсобытийного) и интерсубъектного значения допускают такое чередование имен пропозитивных значений и имен лица [1, с. 148].

Объясняется такое функционирование существительных, на наш взгляд, процессами обогащения сигнификатного содержания существительных, как слов, наделенных полной семантической структурой, то есть имеющих как сигнификат, так и денотат.

Происходит это в процессе речевых актов, когда субъектам высказываний, выполняющим функцию идентификации того предмета объективной действительности, о котором делается сообщение, приписывается (предсказывается) некоторое свойство или состояние. Предикаты, выполняющие в предложении функцию сообщения, в силу этой функциональной предназначенности стремятся к однозначности, дифференцированности, моносемизации своих значений.

Н. Д. Арутюнова считает, что для предикатов (прежде всего таких классических предикатов, как качественные прилагательные) характерна тенденция к семантической элементарности, неразложимости [1, с. 338]. К тому же Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина и С. А. Крылов утверждают, что предикат лишен способности к идентификации в силу своей синтаксической роли, то есть не обладает денотатным значением [1, с. 329; 3].

Имена существительные в предложении действительно выполняют отмеченную Н. Д. Арутюновой функцию идентификации и таким образом актуализируют свое денотатное значение. Однако в результате осуществленной в предложении предикации существительные принимают сигнификат данных предикатов. Этот процесс обогащения сигнификата имен существительных (как конкретных, так и абстрактных) очевиден и в эволюции семантики существительных, что проявляется в расширении их потенциалов сочетаемости и в возможности номинализаций предложений, являющихся семантическими эквивалентами последних.

Рассматривая развитие типов индоевропейского предложения, Ю. С. Степанов делает предположение об имевшей место в истории тенденции к запрету на «абстрактные» субъекты в сочетании с «конкретными» объектами. Ю. С. Степанов считает, что способность занимать позицию субъекта в протоиндоевропейском предложении определялась положением имени существительного в следующей иерархии (имена существительные расположены в порядке убывания этой способности): лица / люди вообще / животные / растения / вещи / абстрактные объекты. С течением времени эта иерархия исторически расширяется: в древних индоевропейских языках она была ограничена левой частью, но постепенно она продвигается вправо. Ю. С. Степанов с определенностью связывает эту закономерность с перестройкой индоевропейских языков от активного строя, для которого характерно резкое противопоставление активных сущностей (прежде всего людей) и неактивных (прежде всего вещей) к номинативно-аккузативному, в котором это противопоставление и, соответственно, ограничения на позицию субъекта устранились [10, с. 15].

Н. Д. Арутюнова утверждает, что семантические компоненты, составляющие значение неактуализованного имени существительного, – денотат и сигнификат – в предложении «разведены» в разные позиции: субъект в типичном случае реализует денотатное значение, предикат – свое сигнификатное содержание [1, с. 37].

Таким же образом представляет механизм функционирования имени существительного и предиката в предложении и Ю. С. Степанов: «...обычно подлежащее (или субъект) денотатно, референтно, а сказуемое (или предикат) сигнификатно» [11, с. 438].

По нашему мнению, идентифицирующую функцию имя осуществляет посредством своего денотатного значения и сигнификатного содержания, включающего узус всех предшествовавших предикаций, если мы придерживаемся тезиса о выводимости значения слова из его употребления в речевых актах [4; 11]. В каждом новом высказывании существительное выполняет идентифицирующую функцию имеющимися у него на данный момент денотатной и сигнификатной составляющими его значения и принимает сигнификатное содержание предиката данного высказывания с тем, чтобы затем

функционировать с увеличенным данной предикацией значением. Таким образом, в предложении денотат и сигнификат имени существительного не разводятся в субъектную и предикатную позиции. Референтное употребление имени существительного не означает, что в предложении его значение сводится к денотату. Наличие только сигнификатной составляющей у предиката не доказывает наличие только денотата у существительного. Следует добавить, что предикат может не только добавлять новый признак существительному в позиции субъекта, расширяя его сигнификат (интенционал – *intensio* «внутреннее натяжение» [11, с. 438]), но и актуализировать один из уже узואально закрепленных признаков.

В результате предикаций, таким образом, изменению подвергается только сигнификатная составляющая значения имен существительных. Сигнификатное содержание предиката остается прежним. Сигнификат же существительных обогащается и эволюционирует. Осуществленная предикация может в дальнейшем функционировать следующим образом:

- 1) воспроизводиться в своем полном объеме;
- 2) предложение может номинализаться с тем, чтобы использоваться в качестве актанта в синтаксических структурах более высокого ранга или вступать в анафорические или катафорические отношения в тексте.

Н. Д. Арутюнова отмечает тот факт, что значение номинализованных (субстантивированных) предложений передвигается на денотативный уровень, так как пропозитивная семантика соединяется с идентифицирующей функцией или, иными словами, происходит объединение абстрактного значения с единичной референцией. Например, в предложении 3. *Твоя наглость (твоя наглая выходка) всех возмутила* подлежащее *твоя наглость* представляет собой номинализованное предложение [1, с. 75].

Интересно, что Ю. С. Степанов считает абстрактные существительные словами преимущественно сигнификатными (нереферентными, неденотатными) [11, с. 438].

Наблюдение Н. Д. Арутюновой нам представляется обоснованным, так как номинализация – именование фактов, событий, процессов – подразумевает наличие объекта номинации и здесь, очевидно, следует говорить о непердметных, интенциональных объектах, ставших в последнее время интенсивно изучаемым предметом логико-лингвистических исследований [2, с. 189] и имеющих ментальное существование, в отличие от предметных, неинтенциональных объектов, существующих реально [1, с. 61].

Следовательно, номинализованные предложения и абстрактные существительные – такие же объекты интенционального, возможного, ментального мира [12, с. 609; 7; 9], как и другие объекты эпистемологии – знания о мире. И здесь мы, очевидно, будем вынуждены не согласиться с мыслью Н. Д. Арутюновой о том, что значение неполных номинализаций относится к области эпистемологии (знаний, мнений, утверждений и других категорий ментального плана), а значение полных номинализаций входит в сферу онтологии – действительности [2, с. 105].

Итак, предметные и непердметные объекты существуют в пространстве реальном и интенциональном соответственно, что выражается языком и реконструируется по данным последнего, образуя, по определению Д. С. Лихачева, концептосферу данного языка [6]. Следовательно, дифференцируя семантику языковых единиц, подпадающих под категорию «конкретность – неконкретность», нам не следует проводить это различие на основе признака принадлежности их сфере понятия «время» или понятия «пространство», а по принципу существования этих объектов в объективном, реальном пространстве (мире) или интенциональном, возможном, играющем столь важную роль в современной логике и теории языка.

Таким образом, характеристики понятия «пространство» и пространственные отношения так же имманентно присущи предметным понятиям, как и абстрактным. И временные характеристики и отношения в равной степени неотделимы от конкретных и абстрактных субстанций, процессов, событий, фактов.

Библиографические ссылки

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 382с.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / АН СССР. Ин-т языкознания / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 338с.
3. Булыгина Т. В., Крылов С. А. Сигнификат / Т. В. Булыгина, С. А. Крылов // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 444.
4. Витгенштейн Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1985. – Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. – С. 79 – 129.
5. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник / М. В. Всеволодова. – М., 2000. – 502с.
6. Лихачев Д. С. О концептосфере русского языка / Д. С. Лихачев // Изв. Рос. АН. – Сер. лит. и яз. – 1993. – Т. 52, №1. – С. 3 – 9.
7. Петров В. В. Язык и логическая теория / В. В. Петров // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. XVIII: Логический анализ естественного языка – С. 5 – 24.
8. Семантические типы предикатов / АН СССР Ин-т языкознания. Т. В. Булыгина, О. Н. Селиверстова, Н. А. Ишевская и др. – М.: Наука, 1982. – 365с.
9. Серль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов / Дж. Серль, Д. Вандервекен // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. XVIII: Логический анализ естественного языка – С. 242 – 264.
10. Степанов Ю. С. Индоевропейское предложение / Ю. С. Степанов / АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1989. – 247с. – Библиогр.: с. 234 – 246.
11. Степанов Ю. С. Семантика / Ю. С. Степанов // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 438 – 440.
12. Степанов Ю. С. Язык художественной литературы / Ю. С. Степанов // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 608 – 609.
13. Столярова Л. П. Субстантивная конструкция – основное звено малого синтаксиса: Учебное пособие / Л. П. Столярова. – Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1990. – 72с.
14. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер / Пер. с фр. И. М. Богуславского и др. – М.: Прогресс, 1988. – 653с.